

УДК: 165

Виктор Ополов

**ФЕНОМЕН МЫШЛЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИДЕАЛА
ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ****Статья первая**

У першій з двох статей, об'єднаних темою раціональності мислення, виділяються три основних позиції в дослідженнях раціональності або розуму, і дається їх коротка характеристика. У першій з них, раціональність трактується як деяка сутність з рядом виходячих звідси питань, в другій, вона виступає як властивість, присутня об'єктам різної природи, в-третьій – відомого роду здібності, яка характеризує різноманітні види діяльності.

Ключові слова: *розум, раціональність, сутність, властивість, здібність. В первой из двух статей, объединенных темой рациональности мышления, выделяются три основные позиции в исследованиях рациональности или разума, и дается их краткая характеристика. В первой из них, рациональность трактуется как некая сущность с рядом вытекающих отсюда вопросов, во второй, она выступает в качестве свойства, присущего объектам различной природы, в-третьей – известного рода способности, характеризующей различные виды деятельности.*

Ключевые слова: *разум, рациональность, сущность, свойство, способность.*

In the first of two articles united by a theme of rationality of thinking, three basic positions in rationality or reason researches are allocated, and their short characteristic is given. In the first of them, rationality is treated as a certain essence with a number of questions following from here, in the second, it represents itself as the property inherent in objects of the various nature, the v-third - a known sort of the ability characterizing various kinds of activity.

Keywords: *reason, rationality, essence, property, ability.*

Рациональность в данной работе будет рассмотрена преимущественно только в одном из присущих ей измерений, а именно – в том, в котором она выступает в качестве определенного рода идеи и идеала и относится одновременно к составу регулятивных оснований различных видов специализированного мышления. В первую очередь здесь будут иметься в виду сферы научного и технического творчества, хотя и не без определенного отнесения формулируемых утверждений к иным, смежным с ними отраслям духовного производства.

Под идеей в данном случае мы будем понимать такое духовное образование, которое, хотя исторически и эволюционирует, а также может меняться в зависимости от целого ряда других обстоятельств, однако всегда

– или, возможно, как правило – содержит ответы на ряд вопросов, касающихся природы, места, значения, ценности, смысла и т.п. представляемого ею феномена. Идеал же в свою очередь есть нечто производное от этой идеи или точнее просто ее часть, содержащая такие положения (или принципы, правила, критерии и др.), которые, хотя в своем прямом, буквальном значении никогда не реализуются, но тем не менее направляют трансформацию мышления в определенную сторону. Можно также сказать, что идеал это наиболее активная, движущая часть всего духовного образования, называемого идеей, а все остальные элементы этой последней дают указанной части определенное обоснование, оправдывают ее содержание, придают ей устойчивость и обуславливают другие характеристики, влияющие на ее функционирование. Отметим здесь же, что далеко не всякая идея, предметом которой оказывается рациональность, содержит в себе идеал или предполагает его наличие, а только та, в которой вопрос о месте и смысле разума и, соответственно, рациональности решается положительно, где рациональность в целом некоторым образом утверждается, а иррациональность отвергается или, по меньшей мере, существенным образом ограничивается в своем практическом и познавательном значении.

Идеал при этом направляет известным образом не только собственно мышление в его наиболее важном, продуктивном аспекте, но может оказывать также вполне осязаемое влияние и на его рефлексивную составляющую, и это заметно усложняет в целом рассмотрение рациональности в качестве регулятивной идеи. Мы в данном случае попытаемся в какой-то мере справиться с возникающими на этой почве трудностями, связанными в первую очередь с достаточно сложным «устройством» самого рассматриваемого предмета (но и не только с этим), прибегнув в этой связи к определенным сознательно принятым ограничениям и избегая, насколько это окажется возможным, сколько-нибудь существенных упрощений.

Первое из этих ограничений будет состоять в том, что мы обратимся не к рассмотрению идеала рациональности в самом общем его виде, а только к одному из его достаточно многочисленных проявлений, или, можно сказать, модусов. Этот вариант идеала рациональности в своем достаточно завершенном и, можно даже сказать, образцовом виде сложился под преобладающим влиянием классического, экспериментально-математического естествознания 17-19 столетий и с определенными модификациями, а в некоторых случаях и практически без них, сохранился до наших дней. Именно поэтому мы его в дальнейшем будем называть естественнонаучным. Однако при всем при этом здесь

же необходимо иметь в виду, что действительная роль данного нормативного представления о рациональности давно уже вышла за рамки естественных наук. Его широкое распространение связано помимо прочего, по-видимому, с тем, что, как это стало уже достаточно ясно, методологическая специфика естественнонаучного исследования заключается не столько в том, что его активность направлена на известные рода объекты (объекты, относящиеся к природе и имеющие при этом определенную «природу»), а в том, что оно нацелено, а точнее организовано технологически таким образом, чтобы познавать законы. Иначе говоря, устойчивые и воспроизводимые регулярности, воспринимаемые и подтверждаемые к тому же эмпирически.

Здесь же стоит сказать, что заключительная часть этого последнего утверждения с определенного времени подвергается сомнению, а точнее, его значимость уже не признается столь безусловной, в связи с чем вполне допустимо считать, что специфика естественнонаучной рациональности в ее современном понимании состоит, прежде всего, в поиске и установлении закономерностей. А связанный с этим постулат идеи рациональности, или разумного мироустройства, выражает убежденность в том, что законы такого рода имеют место везде: вселенная тотально пронизана ими. Отсюда неизбежен и вывод, что там, где такого рода регулярности есть (независимо от того, к какой сфере бытия относятся рассматриваемые объекты) там и применимо (срабатывает) соответствующим образом организованное мышление. Для сравнения можно указать на то, что ядро математического идеала рациональности, в отличие от естественнонаучного, нацеливает на поиск и установление уже несколько иной сущности, а именно, логической связности, относящейся уже не к миру во всех возможных его проявлениях, а только к одной из его ограниченных сфер – мыслям, выраженным в суждениях. Одни такого рода взгляд на научную рациональность, сформировавшийся на основе опыта естественнонаучного познания, подвергают радикальной критике, другие ему следуют, считая единственно возможным, третьи – стремятся скорректировать в соответствии с теми или иными требованиями, четвертые – полностью отвергают, пятые ищут альтернативу и т.п., но одно при этом несомненно, что это один из наиболее влиятельных идеалов в составе современной европейской по меньшей мере культуры и один из главных регулятивных факторов, обуславливающих характер современного нам мышления [См.: 3; 4].

То многообразное влияние, которое данный вид рациональности явным или скрытым образом оказывает на различные отрасли культуры и сферы человеческой деятельности, дает основание рассматривать его

в достаточной мере обособленно и подвергать рефлексии, в том числе методологической, без обязательного сопоставления с другими ее видами. Что мы в данном случае и намереваемся делать.

Другое принимаемое нами здесь ограничение будет состоять в том, что направленность действия (своеобразную интенциональность) идеала естественнонаучной рациональности мы будем исследовать не во всей его многоплановости, выражаясь точнее – относительно всех его возможных объектов, а только применительно к одному из них. И этот объект может в нашем случае послужить также своеобразной «лакмусовой бумажкой», позволяющей в какой-то степени прояснить содержание соответствующего идеала. Ведь с методологической точки зрения важно не только то, какие именно идеализации, или предельно общие положения, содержатся в структуре рассматриваемого идеала, но и то, к чему это может привести или к чему это все ведет. Хотя при этом не следует забывать, что идеал, какой бы он ни был, это только одно из условий или факторов, приводящих к изменениям того объекта, на который распространяется его действие.

Под воздействием в принципе любого из возможных идеалов рациональности, или иначе – любой совокупности (ансамбля) принципов, наделяемых статусом разумных, объекты разной природы будут выглядеть несколько по-разному. Таких объектов, на наш взгляд, можно выделить по меньшей мере три: во-первых, это природные объекты, или объекты естественного происхождения, во-вторых, искусственные объекты – артефакты и, наконец, человеческая деятельность во всех ее проявлениях. Одним из таких проявлений является мышление, и его то мы и попытаемся рассмотреть с точки зрения идеала и, соответственно, идеи естественнонаучной рациональности. Основная проблема в этом случае может звучать примерно так: в каком направлении должно трансформироваться мышление (или какими оно будет наделяться характеристиками), если в структуре его оснований присутствует интересующий нас идеал рациональности? Естественно, что при этом придется уделить также известное внимание и некоторым из тех факторов, которые выходят за рамки мышления, но в то же время оказывают определенное внимание на этот процесс.

Разум как глобальный вопрос: два направления поиска ответов

Проблему разума, или разумности, и далее рациональности, производной от них, в философии принято рассматривать с нескольких, можно сказать, канонических точек зрения. Прежде всего, разумность

выступает в качестве некоторой сущности (вещи) в структуре универсума, или мира в целом. Свойства ее обуславливаются в первую очередь имеющимися взаимосвязями с другими элементами этого образования, то есть внешним образом, без раскрытия того, что разумность «в себе». Примерами достаточно простыми и хорошо репрезентирующими основную схему рассуждения такого подхода могут служить как учение античного философа Анаксагора, использовавшего категорию «нус», так и концепции ноосферы Тейяра де Шардена или В.И. Вернадского, сформировавшиеся в нашем столетии. Разработка центральной проблемы – проблемы разума – при этом осуществляется, по меньшей мере, по двум основным направлениям.

Согласно *первому* из них, которое в свою очередь, можно сказать, расщепляется по меньшей мере на два пути, с *одной стороны* – раскрывается *влияние* разума на другие, отличные от него, структурные части мироздания и, если основные постулаты концепции это допускают, ставится также вопрос и о происхождении разумности или, шире, о зависимости ее от остального мира. С *другой стороны*, в рамках этого же направления допускается постулирование различных *видов* разумности, в этом случае разум в целом выступает как нечто составное, разделенное на взаимодействующие между собой элементы. В философских учениях можно встретить указание на *три* вида последних, а именно – это так или иначе понимаемая *индивидуальная разумность*, различные модификации *коллективной разумности* и *высший разум* (Бог, платоновский мир объективных идей, перводвигатель Аристотеля, абсолютная идея у Гегеля и др.) [11].

Рациональность есть свойство или характеристика вещей

Второе из указанных выше направлений, определенные аспекты которого и будут нас интересовать в дальнейшем, предполагает рассмотрение разума и рациональности, производной от него, с двух взаимодополнительных и соприкасающихся точек зрения. Каждая из них основывается на собственной исходной идеализации или допущении и представляет собой достаточно целостную и последовательно разворачивающуюся трактовку интересующего нас феномена. Согласно *одной из них*, разумность (а также рациональность) представляет собой известного рода *свойство* вещей (т.е. присущую им – вещам – особую характеристику), или, сказать точнее, не только собственно вещей, но и всего того, что так или иначе существует и может стать в определенных условиях объектом познания. Это свойство заключается в первую очередь

в присущей этим последним упорядоченности, наличию формы и законосообразности. Происхождение указанного свойства объясняется по-разному. Оно может состоять в том, что вещи, например, возникают через причастность к идеям, благодаря активности чистых форм, либо посредством деятельности или творчества некоторого субъекта – Бога или человека – и содержат, таким образом, в своей структуре исходный замысел, проект, идею формы. Противоположный ход мысли, базирующийся на принципе отражения, предполагает зависимость структур сознания от упорядоченной организации мира, но в итоге здесь также образуется тождество (сходство, изоморфизм) мышления и бытия, делающее это бытие рациональным.

Разумность в качестве свойства или характеристики вещей обычно рассматривается также как условие и предпосылка, делающие их познание возможным. «Логический принцип родов, – пишет в этой связи Кант, – если он должен быть применен к природе ..., предполагает трансцендентальный принцип, согласно которому в многообразном содержании возможного опыта необходимо предполагается однородность ..., так как без нее не было бы возможно никакое эмпирическое понятие, стало быть, никакой опыт» [3, с. 559-560]. Естествоиспытатель Луи де Бройль выражает сходную мысль следующим образом. «Когда ученый пытается понять категорию явлений, он начинает с допущения, что эти явления подчиняются законам, которые нам доступны, поскольку они понятны для нашего разума... Этот постулат сводится к допущению, что существует нечто общее между структурой материальной вселенной и законами функционирования нашего разума» [2, с. 291].

Такого рода модели объяснений могут, естественно, варьироваться, углубляться, детализироваться в различных теоретических построениях, не исключено при этом и использование других принципов объяснения, однако для нас здесь важно лишь то, что все они строятся на определенном понимании разумности – разумности как свойстве вещей, объектов, процессов, предметностей и т.п. При этом семантика данного базисного утверждения включает, как правило, две следующие характеристики.

Первая из них связывает разумность с упорядоченностью (с какими-то ее проявлениями, модификациями или трактовками), которая в свою очередь противопоставляется хаосу, непредсказуемой случайности. *Вторая* характеристика – основывается на различении и разграничении понятий разумности и сознательности. Это различение, в частности, подразумевает, что разумность, понимаемая как свойство, не предполагает обязательного наличия у тех объектов, которые им обладают, также и сознательности, то есть присутствия таких признаков,

как свобода воли, рефлексия, способность чувствовать, познавать (знать) и др. Можно сказать, перефразируя известное высказывание А. Эйнштейна, что подобные объекты, хотя и обладают разумностью, но они в то же время не способны хитрить.

Вместе с тем использованный выше термин «не предполагает» не означает в данном случае, что трактовки такого рода, в которых какие-то атрибуты сознательности, мышления необходимым (априорным) образом связываются с разумностью, понимаемой как свойство вещей, вообще невозможны. Попытки таких интерпретаций достаточно известны, однако в целом преобладает тенденция, связанная со стремлением исключить признаки сознания из числа атрибутов, характеризующих разумность в указанном смысле. Однако то, что в связи с этой проблемой существует известная борьба идей, говорит о том, что такое различение имеет место и как предмет, и как предпосылка мышления в определенных сферах деятельности. В дальнейшем, употребляя соответствующие понятия, мы будем постоянно иметь в виду, что каждое из них охватывает свой набор признаков и, как в этом случае мог бы сказать Кант, из понятия разумности, например, нельзя аналитическим путем вывести признаки, относящиеся к сознанию, а чтобы их присоединить, требуется особая процедура синтеза.

Рациональность как субъективная способность

Вторая из указанных точек зрения представляет разумность (разум и рациональность) в качестве своего рода *субъективной способности* или даже нескольких способностей, того, посредством чего могут осуществляться, в частности, познание, творчество и организованные действия. В данном случае уже предполагается предварительное выделение и обращение не к вещам или объектам, но уже к совершенно другого рода сущностям – субъективности, мышлению, сознанию, духовности и т.п. [содержание этих категорий см.: 6; 7].

Трактовка разума в качестве способности, относящейся к природе человека, то есть к его основополагающим, фундаментальным характеристикам, сложилась еще в античности. У Аристотеля, например, разумность, отождествляемая им фактически с речью, есть главный признак, отличающий человека от животных и растений. Особенно подробно в этом ракурсе разумность изучалась западноевропейскими философами XVII - XVIII столетий [12, ч. 2, разд.3, гл.1]. Последовавшее в дальнейшем изменение взглядов относительно происхождения этой способности, когда стали считать, что она происходит не от бога или

природы, а формируется за счет культуры, не меняет существа исходного положения и основывающейся на нем интеллектуальной позиции, хотя в известной мере и расширяет возможности вариаций внутри нее. Так, если утверждается, что разум не дается человеку, скажем, от природы, а есть нечто формирующееся, причем происходит это формирование посредством процессов в известной мере контролируемых людьми, т. е. благодаря обучению, просвещению, включенности в социальную жизнь и т.п., то тут уже возможна известная градация субъектов в зависимости от того, например, в какой степени – большей или меньшей – обладают они этой способностью, насколько она у них развита, допускаются различные виды разумности и т.д.

Теперь попытаемся сделать некоторые уточнения, касающиеся используемого нами в данном контексте термина «способность». Соответствующее понятие в общем плане означает свойство, но свойство, которое находится в потенции, еще не актуализировано, проще говоря, способность это есть всего лишь возможность чего-то, какого-то проявления или события в мире. Употребляя данный термин в указанном здесь смысле правомерно говорить о том, что, например, тяжелый предмет способен упасть, а динамит – взорваться, и т.д. Поэтому, рассуждая формально, можно утверждать, что существенной разницы между трактовкой разумности как свойства объектов и как некоторой способности нет или она может быть сведена к тому, имеется ли это свойство актуально у определенного предмета или существует только в возможности. Кроме того, то, что подразумевается в подобных случаях под способностью, – это способность совершать определенную деятельность. Но эта деятельность может не только существовать в виде возможности, но и происходить актуально. Другими словами, субъект не только способен мыслить и в этом смысле обладает разумом, но и мыслит: разумность проявляется в его действиях. Разумность в связи с этим может пониматься не только как способность, но и как свойство деятельности [12, ч.2, разд.3]. Последнюю, в свою очередь, можно представить и как объект или вещь. Таким образом, возникает вроде бы возможность чисто логическими, формальными средствами свести третью из указанных точек зрения ко второй, представить разумность, трактуемую в качестве способности, как частный случай или как одну из модификаций разумности, понимаемой как свойствовещей.

Подобного рода логико-лингвистический анализ, который в нашем случае мог бы быть продолжен, – необходимый компонент духовной деятельности, связанной с построением и восприятием текстов. В связи с этой деятельностью он имеет место всегда, хотя и не так часто он

проводится явным образом, систематически и полно. В обычных условиях он осуществляется в основном на уровне личностного, неявного знания, но его результаты могут проявляться в мышлении в виде, скажем, чувства неадекватности, плохой понимаемости тех или иных элементов текста и т.д. Собственно специальный, эксплицитно выраженный анализ языка и требуется тогда, когда мы сталкиваемся с подобными затруднениями. Однако в нашем случае, применительно к терминам, о которых речь шла выше, подобное логико-лингвистическое исследование лишь уводит в сторону от существа главной проблемы. Дело в том, что используемые здесь выражения, типа «разумность как способность» и другие, не столько описывают, сколько лишь обозначают, «имеют в виду» некоторые предельные идеализации, благодаря существованию которых и становится собственно возможным конституирование разумности как объекта исследования. Слова при этом скорее используются в качестве символов, чем в качестве знаков. Такое мышление, в котором символические функции используемого языка преобладают над знаковыми, достаточно характерно для гуманитарных исследований. Мы в данном случае не будем вдаваться в обсуждение вопросов о том, почему подобное функционирование языка складывается, в силу ли его неразвитости или специфики исследуемых проблем, а ограничимся в заключение первой части настоящего исследования краткой характеристикой тех особенностей используемого языка, которые позволяют сделать некоторые выводы, касающиеся способов оперирования с ним. Все это нам необходимо будет учитывать в дальнейшем.

Для нас здесь употребление термина «символ» будет означать, прежде всего, то, что вполне допустимы различные трактовки, или понимания, того, что он в том или ином случае обозначает. Применительно к нашему случаю это будет разумность, разум или рациональность. Все эти разнообразные трактовки, когда мы имеем дело не со знаком, а с символом, в одинаковой степени могут быть в принципе правомерными. Здесь можно провести прямую (или, по крайней мере, близкую к этому) аналогию с тем, что под символом понимается в математике или в формальной логике. Алгебраический символ, например, это всего лишь переменная, которая может принимать различные конкретные – числовые – значения или, можно сказать, замещаться ими. И все эти подстановки будут в тех или иных ситуациях считаться правильными. Символ же в этом случае в своем предметном, точнее, смысловом и даже, можно сказать, тематическом (квазипредметном) значении задает лишь ограничения, за которые соответствующие трактовки не должны

выходить. Символ, таким образом, обозначает определенное *пространство возможностей* – пространство, которое будет в зависимости от тех или иных совокупностей условий, или ситуаций, заполняться в нашем случае различными «образами» разумности, или же рациональности [См. в этой связи: 1; 8; 9; 10].

Заклучение

В первой из двух статей, объединенных темой рациональность и мышление, выделяются три основные позиции в исследованиях рациональности или разума, и дается их краткая характеристика. В одной из них, рациональность трактуется как некая сущность с рядом вытекающих отсюда вопросов, во второй, она выступает в качестве свойства, присущего объектам различной природы, в третьей – известного рода способности, характеризующей различные виды деятельности, в том числе и мышления, о котором речь пойдет в дальнейшем.

И напоследок небольшой методологический комментарий. Всякую сложность можно упростить, если разбить ее на составляющие, как гласит одно из знаменитых правил научного метода Рене Декарта (1596-1650). Это далеко не всегда удается сделать, но попытаться можно. Что я и постарался сделать в первой из двух статей, посвященных некоторым проблемам связей между тем, что принято называть рациональностью и мышлением.

1. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность.– М.: Наука, 1988.– С. 65, 68.
2. Бройль Луи де. По тропам науки. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 291 . 408 с.
3. Исторические типы рациональности. В двух томах. Т.1–М.: ИФРАН, 1995.– 350 с.
4. Исторические типы рациональности. В двух томах. Т.2–М.: ИФРАН, 1995.– 320 с.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т.Т.3. – М.: Мысль, 1964. –799 с.
6. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980.– 359 с.
7. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая.– М.: Эдиториал УРСС, 2001.– 256 с.
8. Майнбергер Г.К. Единый разум и многообразие рациональностей // Вопросы философии, 1997, №9.– С. 57-65;
9. Новиков А.А. Рациональность в ее истоках и утратах // Вопросы философии, 1995, №5.– С. 48-59;

10. Ополе В.Т. Рациональность как компонент регулятивных оснований научного мышления //Логика и развитие научного познания.– СПб.: Изд-во СПбУ, 1992. – С. 43-61.
11. Сергеев К.А., Слинин Я.А. Природа и разум: античная парадигма.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.– 240 с.
12. Философия эпохи ранних буржуазных революций.– М.: Наука, 1983.– 584 с.